

Подобное явление, которое условно можно было назвать «феодализацией» византийской монеты, наряду с некоторыми особенностями местной чеканки (в Солуни, а возможно, и в Филиппополе при Алексее I чеканили даже золотую монету), в какой-то степени противоречит той картине строгих соотношений разных монетных наименований, которую рисует Хенди (см. особенно стр. 25): не случайно XII столетие оставило нам столь большое количество терминов для разных видов монет (стр. 26—38).

Книга Хенди содержит много интересных частных наблюдений; например, автор выдвигает гипотезу о том, что в обращение монеты нередко поступали в так называемых апокомбиях, т. е. в кошельках, запечатанных специальными чиновниками и содержащих ту или иную сумму денег (стр. 301—314).

А. К.

L.-P. RAYBAUD. LE GOUVERNEMENT ET L'ADMINISTRATION
CENTRALE DE L'EMPIRE BYZANTIN SOUS LES PREMIERS
PALÉOLOGUES (1258—1354).

Paris, 1968, p. 293.

Административное устройство Византийской империи до последнего времени оставалось одним из белых пятен, которыми вообще богато византиноведение: кроме известной работы Дж. Бури¹, можно было указать лишь на несколько монографий и статей, посвященных отдельным сторонам византийской администрации. В последние годы работы Э. Арвейлер, Р. Гийана, А. Хольвега в какой-то мере заполняют создавшуюся лакуну; к ним должна быть присоединена и книга преподавателя юридического факультета в Дакаре Л.-П. Рейбо.

Тема книги — центральный государственный аппарат в Византии на протяжении почти столетнего периода: от воцарения Михаила VIII Палеолога до отречения Иоанна VI Кантакузина. Рейбо начинает со сравнительно хорошо изученной темы — сущности византийской императорской власти, затем рассматривает роль синклита и народных масс в государственном управлении и, наконец, переходит к византийскому чиновничеству; он устанавливает порядок должностей (титулов), характеризует четыре семьи высшей служилой аристократии и исследует государственный аппарат в его деятельности.

Выходя, собственно говоря, за пределы избранной темы, Рейбо в особом разделе ставит вопрос о существовании феодализма в Византии.

Книга основана на большом материале разнообразных источников, которые довольно подробно характеризуются автором; он привлек некоторые рукописи, в том числе и Псевдо-Кодина, поскольку ему еще не могло быть доступным критическое издание, подготовленное Ж. Верпо (см. аннотацию: ВВ, 30, 1969, стр. 281).

Нет необходимости подчеркивать трудности темы: источники скудны и часто скрывают реальную действительность под традиционной терминологией, предварительные исследования частных вопросов во многих случаях отсутствуют, сопоставление избранной эпохи с предшествующими столетиями практически невозможно из-за отсутствия соответствующих характеристик этих столетий. Вот почему при всей ценности отдельных наблюдений Рейбо его обобщения подчас оказываются спорными и, более того, произвольными.

Начнем с вопроса о византийском феодализме. Этой большой проблеме уделено меньше десятка страниц (стр. 146—154), и вся она сводится к вопросу о пронии. Коль скоро прония не всегда предполагала отбывание военной службы или могла быть в любой момент отнята государем (что само по себе справедливо), коль скоро доход прониара не сопоставим с феодальной рентой (стр. 148, прим. 11) — а это весьма спорно и, во всяком случае, не аргументированно, — Рейбо отвергает тезис о феодализме в Византии. Не говоря о том, что прония — не единственный институт в Византии, близкий к западным институтам (несмотря на всю его специфичность), не говоря о том, что в Византии несомненно существовали те или иные формы частной власти крупных собственников над их «людьми», самое изложение проблемы пронии оставляет желать лучшего: работы советских ученых по этому вопросу не привлекаются, а источники трактуются произвольно. Вот один пример. На стр. 148 Рейбо утверждает, что в византийском словоупотреблении «прония» — это то, что дано на сохранение, и ссылается на фразу Акрополита (имеющего в виду события 1261 г.), что «прония Константина справедливо вернулась в руки императора ромеев». Но у Акрополита ничего подобного нет: *ἡ Κωνσταντίνου προνοία θεοῦ καὶ αὐτῆς ὑπὸ χεῖρα τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων ἐγένετο* (Асгр., I,

The Collapse of the Byzantine Empire in the XIIth Century: a Study of Medieval Economy. — «University of Birmingham Historical Journal», 12, 1970, p. 188—203.

¹ J. B. Bury. The Imperial Administrative System in the IXth Century. London, 1911. Странным образом этой книги нет в библиографическом списке рецензируемой монографии.

р. 183) — означает, что город Константина по промыслу божьему вновь стал подвластным царю ромеев.

Основная идея первой части книги — усиление конституционной роли патриарха и церкви (стр. 167): Рейбо прослеживает, как патриарх играет все большую роль в коронации государя, как патриарх принимает активное участие в регентском совете, как синклит сростается не только с придворной, но и с духовной иерархией (стр. 127). В этих рассуждениях много верного: действительно, монастырская собственность составляла важный элемент экономики Византии XIII—XIV вв., хотя, вероятно, и не «единственный настоящий», как пишет Рейбо (стр. 109); любопытно наблюдение Рейбо над тем, что патриарх Афанасий II ставит клириков во главе общественной иерархии (стр. 15). Это наблюдение, кстати сказать, стало бы еще более выразительным, если его сопоставить с замечаниями Г.-Г. Бека, подчеркнувшего относительно незначительность социальной роли клира в XI в.² И все-таки некоторые ограничения в концепцию Рейбо следует внести.

Во-первых, весь материал второй части книги противоречит этой концепции. Из нее никак не следует, что духовенство играло сколько-нибудь существенную роль в государственном аппарате. Так, из интересной таблицы на стр. 221 отчетливо видно, сколь незначительной была роль клира в византийской дипломатии: из 18 посольств за рубеж только в трех участвовали духовные лица.

Во-вторых, истолкование фактов в пользу концепции Рейбо подчас имеет несколько натянутый характер. Так, он придает большое значение тому обстоятельству, что античный обычай провозглашать императором, поднимая на щит, имел в XIII—XIV вв. ограниченное значение (стр. 49—51): Рейбо считает, что в этом проявилось усиление религиозного аспекта коронации. Но как раз изучение этой процедуры должно было бы привести к противоположному выводу: поднятие на щит появляется в Византии сравнительно поздно, только к XIII в.³ что свидетельствует скорее о нарастании светских моментов, чем об их ослаблении.

Мне кажется, что Рейбо вообще напрасно старается определить «конституционные» черты византийского самодержавия: при всей своей внешней формализованности, оно было принципиально неконституционным. Императором можно было стать через поднятие на щит, обувание пурпурных сапожек, коронацию, помазание — но ни один из этих обрядов не был обязательным.

Во второй части книги, посвященной чиновничеству, привлекает внимание интерес Рейбо к социальной природе византийской знати. Он, в частности, использует с этой целью просопографические материалы, устанавливая своего рода «фамильные биографии» Асений, Тарханиотов, Хумнов и Торников⁴; показательно в этой связи сопоставление административной карьеры «нового человека» Апокавка с представителями родовитой знати.

Но особенно существенной кажется мне та черта византийской администрации, которую Рейбо отмечает от случая к случаю, хотя и несколько робко: отсутствие четкого разделения функций в государственном аппарате, зависимость этих функций не от должностного, а от личного фактора. Это отмечалось применительно к статусу месадзона, руководителя центральной администрации, которым могли быть чиновники, занимавшие самые разные посты⁵, — Рейбо прослеживает подобную нестабильность в организации различных административных ведомств. Эта административная нестабильность, кстати сказать, хорошо коррелирует с неконституционностью в конструкции византийской монархии.

А. К.

H. H U N G E R. JOHANNES CHORTASMENOS
(CA. 1370—CA. 1436/37). BRIEFE, GEDICHTE
UND KLEINE SCHRIFTEN
(«Wiener byzantinische Studien», Bd. VII).
Wien, 1969, S. 256+8 Taf.

Иоанн Хортасмен, в монашестве Игнатий, — поздневизантийский ученый, преподаватель, писатель и книголюб — еще сравнительно недавно оставался совершенно неизвестным. К. Крумбахер, посвятивший ему всего три строчки, не знал даже вре-

² H. G. Beck. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz. — *REB*, 24, 1966, S. 1.

³ См. G. Ostrogorsky. Zur Kaisersalbung und Schilderhebung im spätbyzantinischen Krönungszereemoniell. — *Historia*, 4, 1955, H. 2/3, S. 254 f. К приведенным Г. А. Острогорским фактам можно было бы прибавить еще два-три случая поднятия на щит узурпаторов, но не ранее XI в.

⁴ О Торниках см.: G. Schmalzbauer. Die Tornikioi in der Palaiologenzeit. — *JÖB*, 18, 1969.

⁵ О месадзоне, помимо указанных Рейбо статей Бека и Верпо, см. еще: R.-J. Loenertz. Le chancelier impérial à Byzance au XIIIe et au XIVe siècle. — *Or. Chr. Per.*, 26, 1960 (теперь включено в сб.: R.-J. Loenertz. Byzantina et Franco-Graeca. Roma, 1970, p. 441—465).